

В.П. Мещеряков

Чацкий

Чацкий Александр Андреевич — герой комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Прежде чем появиться на сцене, Чацкий уже характеризуется в диалоге Софьи и Лизы. Последняя заявляет, что Чацкий «чувствителен, и весел, и остер». Софья уточняет: «Он славно / Пересмеять умеет всех...» Лиза вспоминает, что Чацкий, расставаясь с Софьей, обливался слезами, словно предчувствовал, что «года через три» он потеряет свою любовь. Софье неприятно это напоминание, она одергивает служанку и в оправдание себе говорит:

Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой...

Софья вынуждена признать и достоинства Чацкого:

Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.

«Друзья» и единомышленники Чацкого не фигурируют в числе действующих лиц, но представление о них создается из реплик других персонажей. Это двоюродный брат Скалозуба, оставивший службу и удалившийся в деревню, где занялся самообразованием; «химик» и «ботаник» князь Федор, не признающий чинов; профессора Педагогического института в Петербурге, упражняющиеся, по мнению княгини Тугоуховской, «в расколах и безверьи».

Биография Чацкого складывается из отдельных упоминаний о нем других персонажей комедии. Лиза уточняет, что Чацкий, по слухам, лечился на водах («Не от болезни, чай, от скуки...»). Фамусов считает, что Чацкий «рыскал по свету» и «бил баклуши». Тот же Фамусов, рекомендуя Чацкого Скалозубу, аттестует его как сына покойного друга, сожалеет, что Чацкий не служит («Но захоти — так был бы деловой. Жаль, очень жаль, он малый с головой, / И славно пишет, переводит»). Правда, про себя Фамусов называет Чацкого «мотом» и «сорванцом». Молчалин упоминает, что первоначально карьера у Чацкого складывалась весьма удачно («С министрами... связь, Потом разрыв...»). Из разговора Чацкого с Платоном Михайловичем Горичем можно понять, что Чацкий лет пять назад находился в армии, изведал «шум лагерный». И сам Чацкий признается, что не так уж давно отрекся «от нежности» к мундиру.

Неожиданно для всех появившийся в доме Фамусова, Чацкий радостно возбужден встречей с любимой девушкой, ради которой он промчался более семисот верст за сорок пять часов (даже по зимнему пути скорость по тем временам значительная). Чацкий принимает близко к сердцу холодность Софьи, которую сразу же почувствовал, и не скрывает это от девушки («Мне кажется... Людей и лошадей знобя, / Я только тешил сам себя»).

Софья, сначала несколько растерянная, пытается сгладить напряженность ситуации, уверяя Чацкого, что постоянно расспрашивала о нем приезжих.

Чацкий хочет этому верить и засыпает ее вопросами. Из его речей явствует, что он был в доме Фамусовых завсегдаем уже в детстве, что у них с Софьей были даже общие учителя. Он находит, что она преобразилась, расцвела «прелестно, неподражаемо», и напрямик спрашивает: «Не влюблены ли вы?»

Когда же Софья уходит от прямого ответа, Чацкий переходит к общим воспоминаниям:

Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.

Тот сватался — успел, а тот дал промах.
Все тот же толк и те ж стихи в альбомах.

Софья, оправившись от неожиданности, парирует его иронические замечания репликой: «Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!»

Но Чацкий вовсе не расположен продолжать пикировку. Словно не замечая почти язвительной сдержанности Софьи, он интересуется, как поживают старые знакомые: состоит ли ее отец по-прежнему в Английском клубе; жив ли дядя Софьи; что поделявает «тот черномазенький, на ножках журавлиных, / Не знаю, как его зовут...»; молодятся ли еще «трое из бульварных лиц»; существует ли еще домашний театр, владелец которого «сам толст, его артисты тощи»; чем занимается теперь «тот чахоточный, родня вам, книгам враг», который, будучи членом ученого комитета, «...с криком требовал присяг, / Чтоб грамоте никто не знал и не учился»? Впрочем, после долгой разлуки с отечеством даже эти фигуры кажутся Чацк чуть ли не милыми.

...и в ком не сыщем пятен?
Когда ж постранствуешь, воротисься домой,
И дым отечества нам сладок и приятен.

Удержаться на лирической ноте Чацкому удастся недолго. Характеризуя непреходящих членов московского света (тетушка Софьи, танцмейстер Гильоме), он приходит к выводу, что степень образованности московского дворянства оставляет желать много лучшего. Даже французский язык, на котором преимущественно изъясняются в салонах, отдает нижегородским наречием. Мимоходом вспоминает Чацкий и о Молчалине, в двух словах обрисовывая его сущность («...он дойдет до степеней известных, / Ведь нынче любят бессловесных»).

Однако все тирады Чацкого лишь прикрывают его горячее чувство к Софье, которая, пока еще смутно чувствует он, далека от него.

Послушайте, ужли слова мои все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так, — ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду;
Велите ж мне в огонь — пойду как на обед.

Все помыслы Чацкого сосредоточены на Софье. В разговоре с Фамусовым он пытается косвенным образом узнать — примет ли тот его сватовство, но наталкивается на такой же косвенный отказ. В подобной ситуации молодой человек, казалось бы, должен в первую очередь снискать расположение будущего тестя. Чацкий не таков. В ответ на похвалу «житейской мудрости» вельможи прошлого века Максима Петровича Чацкий дает Фамусову гневную отповедь.

Сопоставляя «век нынешний и век минувший», Чацкий приходит к заключению, что «свет», хоть и медленно, но изменяется все же в лучшую сторону.

Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит и держит стыд в узде...

После прихода Скалозуба Фамусов, всячески стараясь расположить к себе потенциального жениха, дает Чацкому понять, что ему равняться со Скалозубом не стоит, и причиной тому его «завиральные идеи» и нежелание делать карьеру.

Чацкого бесит сравнение его со Скалозубом, и он произносит блестящий монолог, в котором противопоставляет «отечества отцов», проводящих свои дни в пирах и мотовстве, молодому поколению, бескорыстно преданному науке или искусству. Чацкий с горечью вынужден констатировать, что пока еще сила на стороне «староверов», для которых молодежь — «опасные мечтатели».

Основной пафос этих слов Чацкого — в обличении крепостнических порядков, позволяющих хозяину менять верных слуг на борзых собак или распродавать актеров своего домашнего театра.

Во время падения Молчалина с лошади Чацкий, как истинно влюбленный, замечает лишь реакцию на это происшествие Софьи и старается хоть чем-то помочь ей, когда она падает в обморок. И все же мимо него не проходит и то, что девушка уж слишком переживает ничтожный инцидент («Так можно только ощущать, / Когда лишаешься единственного друга»).

Он начинает наблюдать за Софьей и решает вынудить у нее признание: кто же мил ей по-настоящему? Молчалина или Скалозуба он отвергает — первого как «жалчайшее создание», второго как типичного солдафона. Однако для него очевидно, что кто-то занял место в ее сердце.

Как и все влюбленные, Чацкий не выдерживает неизвестности. Он напрямик спрашивает Софью: «Кого вы любите?» Та снова всячески уклоняется от ответа, но Чацкий не отстает от нее. Он даже согласен признать, что Молчалин мог измениться в лучшую сторону, но не может увидеть в нем ту пылкость чувств, которая превращает жизнь в служение возлюбленной. Проницательно говорит он Софье:

Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его век не была набита.
Быть может, качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему...

Софья хранит свою тайну и объясняет сдержанность по отношению к Чацкому его язвительностью.

Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презренье к людям так нескрыту?
<...>
Шутить и век шутить! как вас на это станет!

Поглощенный страстью и своими мыслями, Чацкий делает из речей Софьи лишь один вывод — она не любит ни Молчалина, ни Скалозуба. Впрочем, он уже ни в чем не уверен твердо («...остаюсь опять с моей загадкой»).

При встрече с Молчалиным Чацкий старается разговорить его, чтобы составить о молодом человеке объективное мнение, и убеждается, что тот во всем следует «общим правилам» и никогда не выскажет собственного суждения, если оно чем-то может повредить ему. Столь авторитетные для Молчалина Татьяна Юрьевна и Фома Фомич — для Чацкого «вздорные» и «пустейшие» люди. И вообще, общепризнанные истины для Чацкого вовсе не бесспорны.

Помилуйте, мы с вами не ребята,
Зачем же мнения чужие только святы?

Подытоживая свои наблюдения над Молчалиным, Чацкий вновь мысленно возвращается к «загадке» Софьи и решает, что она не может любить такое ничтожество.

Если в разговоре с Молчалиным Чацкий откровенно ироничен, то совсем иначе ведет он себя при встрече с Натальей Дмитриевной и Платоном Михайловичем Горичами. Последний оказывается старым приятелем Чацкого. Резкая ирония Чацкого теперь сменяется добродушным юмором.

Но когда графиня-внучка старается уколоть Чацкого (она осведомляется, не женился ли он за границей, как поступали многие до него, на какой-нибудь «искуснице модных лавок»), как он мгновенно парирует:

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?

За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

Чацкий еще раз пытается установить былые доверительные отношения с Софьей, которая встречает каждое его слово все более холодно. Незаметно для себя Чацкий опять возвращается к мучающей его «загадке» — Молчалину — и дает ему окончательную характеристику.

Молчалин! — Кто другой так мирно все уладит!
Там моську вовремя погладит!
Тут впору карточку вотрет!
В нем Загорецкий не умрет...

Будто не замечая отчужденности Софьи, он еще раз пытается излить ей душу:

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.

И все же, при всей своей ранимости, Чацкий не может ограничиться пределами только своего внутреннего мира. Случайная встреча с «французиком из Бордо», который князю и другим гостям Фамусова представляется законодателем европейских вкусов, побуждает Чацкого задуматься над нравственным состоянием московского и всего русского дворянства.

Я одадь воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
<...>
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.

Реакция гостей на его пламенный монолог (*«все в вальсе кружатся с величайшим усердием»*) заставляет Чацкого с горечью заключить:

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участие в ком живое?
<...>
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

В этот день Чацкому суждено перенести еще несколько испытаний. При выходе ему преграждает дорогу Репетилов, обрушивающий на Чацкого град фантастических признаний и измышлений. Чацкий прерывает его: «Послушай! ври, да знай же меру...» Хорошо зная Репетилова, Чацкий не верит ни одному его слову о «секретнейшем союзе» — «Шумите вы? и только?» Однако сам факт обращения Репетилова именно к Чацкому с подобными «сведениями» симптоматичен: Репетилов видит в нем «вольнодумца».

Сколь ни низко ставит Чацкий общество, в котором ему суждено жить, его все же больно поражает сплетня о его сумасшествии.

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами?
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто страдают...
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?
Чье это сочиненье?

Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют —
И вот общественное мненье!

Став невольным свидетелем свидания Молчалина и Лизы, а потом и объяснения его с Софьей, Чацкий теряет свойственное ему хладнокровие:

Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

Несчастье отрезвляет Чацкого, и он наконец прозревает. Насмешливо предсказывает он Софье, что со временем она помирится с Молчалиным, ибо он очень удобен для нее («муж-мальчик, муж-слуга»). И все-таки обида и злость душат его, вот почему Чацкий заканчивает свое пребывание в доме Фамусова желчным монологом, звучащим как приговор всему обществу Фамусовых:

С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором.
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним
И в нем рассудок уцелеет.